

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ
УНИВЕРСИТЕТ
КЛАССНЫХ
РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Взаимоотношения

М. Ганькина

«Хватит врать — дальше школы
не сошлют, меньше класса
не дадут»

113 – 123

События

В. Гусева

Патриотическое воспитание...
на Ратаевской горке

124 – 128

Проблемы

М. Матвеева

Цена школьного образования

129 – 132

М. Ганькина

С оптимизмом

133 – 134

Взаимоотношения

«ХВАТИТ ВРАТЬ – ДАЛЬШЕ
ШКОЛЫ НЕ СОШЛЮТ,
МЕНЬШЕ КЛАССА НЕ ДАДУТ»

*Интервью с директором известной московской
школы – Центра образования «Измайлово»
№ 1811 Александром Ароновичем Рывкиным*

Беседовала М. ГАНЬКИНА

«Система»... С советских времен это слово врезалось в сознание вместе с чувством беспомощности. Человек — лишь винтик. Куда ему тягаться с всесильным бездушным механизмом? Пирамида власти крепка и один в поле не воин...

Но, может быть, не так страшен чёрт, как его малюют? Может быть, всю эту пирамиду мы своим конформизмом как раз и держим на себе? Может быть, это мы сами, своим стремлением «соответствовать», подогреваем бюрократический энтузиазм административного аппарата? Ведь не секрет, что многие (а не только ученики) хотят быть отличниками. И управленцы — чтоб их округ считался не хуже других. И директора — чтобы школа была не хуже других. И классные руководители — чтобы их класс был не хуже других... (Если так, то представляете, какие синдромы они воспитывают в учениках?)

Что касается нашей газеты, то мы, конечно, не хотим в учителях раздувать, холить и лелеять синдром отличника. Мы за то, чтобы учителя от него освобождались. «Как? — спро-

сите вы. — Как бороться с системой? Как бороться с рутинной, формализмом, глупостью и ложью?»

А может быть, не бороться? Ведь в борьбе она расцветает. Бороться с системой не стоит. Её надо просто забыть. Как в каком-то фильме герой говорит ведьме: «Мы тебя одолеем. Знаешь как? А мы тебя забудем... Уже забыли!» — И они поворачиваются к ней спиной. И ведьма растворяется, исчезает, перестаёт быть...

Несмотря ни на что, иди своей дорогой и поступай по совести — оказывается, людей, которые живут по этим принципам, в педагогике не так уж мало. Правда, рейтинг у них может быть не слишком высокий. Зато их ученики от этого только выиграют.

— *Александр Аронович, некоторые учителя считают, что бумажку, где по пунктам прописаны обязанности классного руководителя, на директора спускают сверху?*

— Да что вы! Функционал классного руководителя подписываю ежегодно лично я. Он составляется на основе нормативных и поднормативных актов. Есть основные положения, и они отражены в Федеральном законе «Об образовании». У нас в школе составляют функционал все, кто занимается организацией работы классных руководителей, — завуч, зам, психологи, инициативная группа учителей. И поэтому когда говорят о том, что якобы он спущен сверху, что существует некий регламент в рамках района, города, региона, всей страны, то это чушь.

Аттестация

— *Как вы относитесь к идее аттестации классных руководителей? В некоторых «особо передовых» школах, я знаю, она уже введена...*

— Я вообще против всяческих аттестаций по тем признакам, которые сейчас существуют. Придумывать аттестацию классных руководителей крайне сложно, а самое главное — зачем? Люди ведь не будут от этого работать с большим вдохновением! Это просто смешно...

Вот, например, ввели оплату учительского труда в зависимости от якобы активности педагога. Уверен, что это в конце концов обернётся конкурсом «Кто больше и красивее бумажек сочинит» Это очередная, навязанная управленцами гонка отчётных мероприятий и документации.

Здесь у классного руководителя два пути. Или он незнамо что придумывает на бумаге: сделал это, сделал то, план тут, план там... В реальности таких планов можно нагородить сколько угодно, получать деньги только за планы и при этом с детьми вообще не общаться. Или можно творчески, хорошо жить вместе с классом и делать всё, чтобы детям было комфортно учиться. А это как раз и есть главная задача классного руководителя — чтобы ребёнку было комфортно учиться.

Что я под этим понимаю? И общение с одноклассниками и другими школьниками, и взаимопонимание с учителями, и контакт с родителями. Если в семье вдруг какие-то неполадки, то тут, конечно, ребёнку не до учёбы. И классный руководитель должен в этом разбираться. А если не получается, то обратиться к коллегам, к психологу: «Помоги, здесь такая сложная ситуация. Я по-человечески понимаю, но найти формы не могу».

Обязаловка

— *Вот пришла бумага сверху: провести очередное мероприятие. Что дальше?*

— Бывает, что бумага дальше моего стола и не идет. А если уж очень не хочется связываться с управленцами, то мой зам сочиняет какую-нибудь отписку.

Когда к Тубельскому, царствие ему небесное, обращались с подобными вещами, он говорил: «Я законопослушный гражданин и не собираюсь нарушать закон. В Законе «Об образовании» ясно написано, что темы внеклассных мероприятий обязательными быть не могут. Так что извините, я не имею права с учителями требовать, чтобы они провели этот ваш классный час, посвященный Чкалову...». И если в этом смысле Тубельского можно назвать экстремистом, то я всё же скорее центрист. То есть иду на компромисс.

Если я считаю спущенное сверху мероприятие разумным, то бумага идёт к заму по воспитательной работе. Но только ни в коем случае не спускается на конкретного классного руководителя с грифом «Немедленно принять к исполнению!». Завуч предлагает, право классного руководителя — не согласиться. Ну а то, что за пределами здравого смысла, застревает у меня на столе, и тут уж я, что называется, принимаю огонь на себя.

Закрывать учителя от формального произвола чиновников научил меня Юрий Александрович Александровский, наш старейший учитель. Он был либералом-демократом ещё в советские времена, когда таких слов-то не знали. И вот он меня, свежееиспечённого директора школы, учил: «Реально проводим только те мероприятия, которые целесообразны по ситуации социальной, педагогической, человеческой. А марзматыческие проводим на бумаге...» И в советское время я этим активно занимался — прикрывал учителей.

— *А сейчас ситуация не изменилась?*

— Она резко изменилась в постсоветский период, все 90-е годы никакого давления в этом смысле не было. А лет пять назад оно началось. И вал документации нарастает и нарастает. Всё нынче толкает к тому, чтобы люди начали серьёзно врать. Вот я не вру пока: говорю на своих уроках то, что думаю, а не как написано в учебнике. Но, может быть, придут такие времена, когда и мне придётся врать... Не дай Бог, конечно.

— Одна знакомая учительница рассказала мне примерно следующее. На неё и её коллег, мол, то и дело вешают обязательные темы для классных часов. А директор говорит, что в любой момент могут сверху приехать и проверить, и если ты проводишь классный час, например, не по Чкалову, то попадёт не только тебе, но и администрации. Прокомментируйте, пожалуйста, это высказывание.

— Может быть, и есть какие-то оголтелые управленцы где-то на местах, которые приедут проверять классный час. Однако вряд ли. Очень маловероятно. Я думаю, что это тактика директора, который хочет держать в напряжении своих учителей. Потому что его самого держат в напряжении.

У нас в школе между учителями и администрацией полное доверие. Ну вот, например. Из года в год нам настоятельно рекомендуют проводить классный час, посвященный разгрому немцев под Москвой. Это спускается сверху. Но низы при этом имеют право сделать свой выбор. Кто-то никак не реагирует, кто-то поведёт

класс на экскурсию, кто-то на классном часе хорошую книгу о войне почитает, а кто-то займётся своим предметом... Каждый определяется сам.

Что же касается приехать и проверить, что и как именно мы делаем... Я себе не представляю... Вряд ли это возможно. По крайней мере, в Москве.

— **И всё же есть у вас в школе обязательные для всех мероприятия?**

— Да, конечно. День знаний. У нас есть давнишняя традиция — 1 сентября мы начинаем с групповой работы в каждом классе. Дети задумываются: что они хотят в этом году сделать хорошего для себя, хорошего для мамы с папой, хорошего для окружающих. И в соответствии с этим как сюда вписывается образование — то есть чему будем учиться.

И есть ещё одна тема, очень серьёзная для школы и тоже уже традиционная, — это понимание художественного текста. С этим учителя бьются в течение всего учебного года, работают во многих направлениях...

И вот в 2007 году мы впервые решили провести 1 сентября большую игру на всю школу. Сначала все занимались по классам — читали каждый свой текст. Тексты подбирают специально. Чтобы игра состоялась, нужно чтобы все тексты в конце концов склеились воедино. Нельзя выбирать любой текст. Ну, выберут. И что? Только для самих себя? А игра-то общешкольная.

Итак, первый урок — чтение и понимание текстов в групповой работе. Кстати, какие будут тексты — никто заранее не знал. А тексты были связаны с разными эпизодами из истории Москвы.

С 5, 6 и 7 классами работали в качестве тьюторов некоторые одиннадцатиклассники, у которых уже был подобный опыт. Тьюторы помогали, а порой и заменяли классных руководителей. Потому что, скажем, какая-нибудь Марья Ивановна, которой 60 лет, — она прекрасный человек, но играть в эти игрушки ей тяжело...

Ещё пол-урока классы готовили презентацию своего кусочка. Она могла быть в форме чтения, инсценировки, песни — чего угодно.

А затем на школьном дворе под озвучку все классы презентовались. Во время презентации можно было увидеть всю историю Москвы. И, заметьте, никто ничего не репетировал заранее! Всё было сделано 1 сентября, «здесь и сейчас».

Кстати, вот такая штука. Казалось бы, общешкольная игра. И даже в этой ситуации ко мне в этом году пришли ходатаи из 5 класса: «А можно вместо игры сделать посвящение в 5 класс?» Я говорю: «Что же, я буду вам запрещать, что ли? Давайте, ребята, конечно!»

Потом, правда, выяснилось, что посвящением заниматься хотела классная руководительница только одного из 5 классов. Тогда я подошёл к ней и сказал: «Самым хорошим посвящением будет для пятиклассников то, что они в общешкольной игре сразу начнут взаимодействие с более старшими детьми и разными учителями. Это прямой переход в новое, и это очень хорошо. Другое дело, если вы хотите придумать какой-то церемониал. Тогда подумайте, как вписать его в общее действо. Это сложно, но можно. Хотя я бы сделал этот ритуал через месяц-полтора. Дети адаптируются, а потом представляют себя школе».

Эта учительница задумалась и пошла разговаривать с организаторами игры. И те её в конце концов убедили такой аргументацией: «Ну, изолируешь ты свой класс — и что получится? Они сами по себе, а вся остальная школа сама по себе? А ведь школа уникальна как раз тем, что в ней живут дети разных возрастов, и

они, взаимодействуя, учатся общаться, договариваться и идти на компромиссы по отношению друг к другу».

— **Как вы относитесь к воспитательным мероприятиям на морально-этические и гражданско-патриотические темы? В частности, к классным часам?**

— Бесплезно, пустое. Я категорически против всей этой говорильни. Воспитание возникает только в совместной деятельности взрослых и детей — либо когда мы создаём для них специально замысленную образовательную и/или воспитательную ситуацию, либо когда эта ситуация возникает сама по себе. Другого воспитания я не представляю. Всякое назидание, всякие разговоры — пустое.

Хотя, конечно, я не могу похвастаться тем, что все до одного мои учителя свободны от морализаторства. Воспитательный зуд я запретить не могу. Только не устаю повторять, что самое главное воспитание должно происходить на уроке, в деле, в работе над материалом. А если на уроке скучища, то какое тут может быть воспитание?

Внутренние конфликты

— **В школе Тубельского по сей день существует суд чести. В нём есть свои плюсы и свои минусы, но тем не менее некий третейский судья для разрешения конфликтов «ученик — ученик», «учитель — ученик», «учитель — родители» всё-таки есть. А каким образом у вас в школе эти конфликты разрешаются?**

— В 80-е годы все спорные вопросы внутришкольной жизни у нас решали так называемые Советы школы, в которые на выборной основе входили учителя и ученики. И в этом смысле мы с Тубельским были единомышленники. Многие вещи, которые он потом начал реализовывать, сначала прокатывались у нас...

Но Советы умерли, после того как в школе удалось выстроить новые отношения. Когда школа превратилась в УВК, пришло много новых учителей, в том числе чуждых нам по ментальности. У нас в школе культивировались интеллигентные отношения, с учениками в первую очередь. Хамства терпеть было нельзя, его надо было пресекать. Не злобно, а жёстко. И постепенно в школе остались люди, которые основные вещи понимают одинаково.

Советы сделали своё дело и стали не нужны. Не мне не нужны, а детям — дети должны заниматься учёбой, а не заседаниями.

— **Известны случаи провокаций со стороны учеников и их родителей в отношении неугодного учителя. Ваша позиция: кто больше сегодня не защищён — ученик или учитель?**

— Я скажу так. В отношении учителя, который по природе своей не может позволить себе хамства, никаких провокаций ни со стороны учеников, ни со стороны родителей я не видел. Жаловаться — жалуются, конечно. Ладно бы мне, а то бывает, что сразу наверх. Каждый год как минимум один такой случай есть. И вот в этом году. Мальчик от нас ушел, семиклассник. У него вышел конфликт с классной руководительницей, а дальше пошло-поехало.

Мальчика нельзя назвать плохим, нет. Нормальный ребёнок. Там проблема была в том, что до нас он воспитывался в частных школах, где коллективизм возникает очень тяжело. А здесь он попал в класс с мощным классным руко-

водителем, который коллективизм прививал несколько по-советски. Возникли проблемные ситуации, и мама начала жаловаться. Мама причём хорошая, заботливая, но меня огорчило то, что все жалобы пошли сразу в департамент. Потом они вернулись ко мне, но было обидно.

Родители мальчика, безусловно, очень конфликтные. Но я ещё раз повторю: конфликт между учителем и учеником не может возникнуть только потому, что его родителям что-то не понравилось. Обычно в конфликте виноваты обе стороны.

Я ни в коем случае не убеждал родителей, что они негодяи и их ребёнок такой же. Но я ни в коем случае и не обвинял во всех тяжких классного руководителя. Я пытался сделать всё, чтобы каким-то образом их примирить. До тех пор, пока не понял, что это невозможно.

Недостатки родителей я знал. Но этот конфликт помог мне увидеть и недостатки своего учителя! Так что в этом смысле ситуация была плодотворная...

Отчётность

— *А каков ваш личный опыт взаимодействия с начальством? На вас наезжали?*

— Мне с начальством повезло. Чиновники, которые стоят над нами в Департаменте образования, — нормальные люди. В Москве немало школ, которые подчинены не окружным управлениям, а непосредственно департаменту. И вот тамошние чиновники — совершенно вменяемые и даже умные люди, с которыми даже просто интересно разговаривать.

Они приходили пару раз в школу и видели, что я владею ситуацией, что у меня есть определённая позиция, она здравая, она подкреплена концепцией, и детям она не во вред, а во благо... С какой же стати им на меня наезжать?..

— *Значит, дело не только в том, повезло или нет. Если управленец приходит и видит, что ты на своей позиции стоишь твёрдо, можешь её защитить и ничего не боишься, то они это уважают...*

— Твёрдость уважали во все времена и на всех уровнях. Но есть другая сторона. К сожалению, весь этот поток управленческой бумажной вакханалии, который было закончилось к середине 90-х годов, теперь начинает возвращаться в каких-то новых, изощрённых формах. Требуется огромное количество бумаг, связанных с пожарной безопасностью, со всякими кадровыми отчётами и т.д. Это просто беспредел. Я не знаю, с чем это связано. Может быть, наверху меняются какие-то структуры и новый аппарат требует сверхотчётности...

Но это сваливается больше на администрацию. Что же касается той отчётности классных руководителей, которая связана непосредственно с учениками, я бы не сказал, что её объективно очень уж много. Это скорее администрация школы перестраховывается — «как бы чего не вышло» — и требует, нагнетает обстановку. И классные руководители перестраховываются, не хотят в конце списка оказаться...

— *Вот у вас прошло общешкольное мероприятие. Отчитаться был обязан каждый классный руководитель?*

— Нет, в данном случае только руководители игры. Но если в плане у классного руководителя записано то или иное мероприятие, то да, должен. Но ведь всё дело в том, как.

Как это происходит у нас. Вот классный руководитель заранее составил план воспитательной работы на год. А жизнь подсказывает ему какие-то другие ходы. (Работа классного руководителя, а тем более воспитательная работа — это ведь во многом импровизация.) Так вот, в таком случае классный руководитель (и у нас такое бывало не раз) спрашивает у ребят: «Вот по плану я поставила то-то и то-то. Мне показалось это интересным. А вам это интересно?»

То есть план — не что-то незыблемое. Он спокойно может поменяться в зависимости от жизни, в которой на данном этапе возникли более актуальные вещи. Другой вопрос — когда реальных дел нет. Тогда и план незачем трогать — какая разница, что там написано, раз это только на бумаге.

Работа классного руководителя — во многом дело совести. Проверить его работу практически невозможно. Прийти на классный час директор или зам, конечно, может. Только зачем? Если у классного руководителя нет необходимости врать (а у нас в школе дело обстоит именно так), то и уличать его, получается, не в чем — в плане воспитательной работы у него будет написано то, что реально происходит в жизни.

— **А если план или отчёт будет составлен неформально, то есть не в виде таблицы (пункты, цели, задачи), а будет написан нормальным человеческим языком, по событиям, то это классному руководителю чем-то грозит?**

— Административно ничем не грозит, но недовольством зама по воспитательной работе — наверняка. Ведь окружные методисты требуют от него, чтобы всё было сделано по форме.

Я у себя в школе жёстко запретил навязывать классному руководителю какую-либо определённую форму отчётности. Как хочет, как может — так пусть и отчитается. Хоть в форме эссе на двух страничках. А перенести это эссе в форму — дело уже зама по воспитательной работе, это его епархия.

Классных руководителей я по максимуму освободил от сочинения казённых бумаг, пусть своим прямым делом занимаются.

— **А мне знакомые учителя из Петрозаводска рассказывали, что администрация их пугает тем, что если они что-то там не по форме заполнят или какое-то мероприятие для «галочки» не проведут, то школу могут якобы не аттестовать. Да и завуча подводить неудобно — она всегда идёт навстречу. А завуч, в свою очередь, не хочет подводить директора. Вот и приходится врать. А то кому ж, мол, охота, чтоб из-за него сняли директора или наслали на школу фронтальную проверку... Скажите, на чём, по-вашему, держится эта пирамида? На страхе перед санкциями?**

— Упомянутый выше Юрий Александрович говорил: «Хватит врать — дальше школы не сошлют, меньше класс не дадут». В этом смысле бояться нечего. В сегодняшней ситуации никаких административных мер за несоответствие форме к учителю применить не могут.

Но я-то считаю, что на самом деле учителя не выговора боятся, а ответственности. Многие не готовы или не хотят брать на себя ответственность принимать самостоятельные решения, заниматься управлением своей собственной деятельностью. Это раз.

А во-вторых, врут ещё и потому, что важно быть на хорошем счету. Это ведь означает всякие блага, и прежде всего — дополнительное финансирование.

А чтобы его получить, надо понравиться тому, кто иерархически находится над тобой.

— А ещё я слышала (уже от московских учителей), что темы родительских собраний надо якобы планировать заранее. Более того, писать про них отчёты: о чём говорили, какие выводы сделали, что постановили и т.д. И чуть ли даже не по поводу созвона с родителями надо докладывать: про что шла речь, что сказали родители...

— Ну уж это полное безобразие! Во-первых, темы родительских собраний возникают по мере течения жизни с классом (если, конечно, эта жизнь есть, а не только её видимость). А телефонные разговоры с родителями — дело вообще интимное! Что же это — классных руководителей вынуждают своих учеников закладывать? Так получается?..

Тенденции

— *А учителя и ученики изменились как-то за последние пять лет, как вы ощущаете?*

— Я ощущаю очень опасную тенденцию — старение учительского коллектива. Нет, толковая молодёжь есть, но мало. Хотелось бы побольше энергичных, подвижных молодых учителей. Нужно выращивать кадры изнутри. Чем мы, собственно, уже и начали заниматься.

— *А ученики? Нынче часто приходится слышать от учителей жалобы на учеников: мол, неуправляемые, из года в год все тупее, ничего им не надо, кроме пива...*

— Какие глупости! А то двадцать лет назад они пиво не пили! Я учился в 1963 году в 8 классе, это теперешний 9-й. Полкласса курили, полкласса пили. И не только пиво, тогда в моде были водка и портвейн. И такие вакханалии устраивали в школе!

А сейчас, когда ко мне в кабинет приводят какого-нибудь «хулигана», мне смешно. Потому что по сравнению с тем, что творилось в 60-е годы... Я не буду называть номер школы, которую я заканчивал... У меня абсолютный синдром страшной ненависти к ней. Там были, наверно, хорошие учителя, но я просто их не помню. А вот гадких — ой, как помню.

И когда я после института пришёл в эту, теперь мою, школу, то как будто бы на некоторое время впал в амнезию. Те мои представления о школе — ненависть. А здесь я вдруг увидел любовь. Я был потрясён и остался.

— А активность внеклассной работы?

— Гораздо меньше стали ездить на экскурсии, по городам, в походы. Нужно подписывать бумаги по безопасности, брать на себя ответственность. А боязно — везде хулиганье. Но зато начали ездить за границу. Ясно, что в Европе безопаснее, хотя и дороже. Ну а с другой стороны — разве плохо, что появилась такая возможность?

Профпригодность

— *Мой коллега недавно высказал такую мысль: если классный руководитель хочет быть на хорошем счету у начальства, то он профнеприго-*

ден, потому что тот же самый синдром отличника он будет воспитывать в детях. Вы согласитесь с этим утверждением?

— Да, соглашусь. Как это ни парадоксально, но классный руководитель, который болеет за детей и за дело, не может быть комфортен для руководства. Обычно приходится выбирать что-то одно.

Нужно для себя решить, кому ты хочешь быть симпатичным — родителям? ученикам? коллегам? администрации? Быть одновременно слугой трёх господ крайне тяжело. Однако классному руководителю, который всё же найдет такую возможность, — честь и хвала. Тут синдрома отличника может и не быть. Ведь он обычно в чём проявляется? В показухе. Мой класс, мол, по показателям самый лучший.

Политик и педагог очень близки функционально. Обладая властью, они её используют либо злонамеренно, либо добронамеренно. В течение своего директорства я встречался и с тем, и с другим. И даже бывали случаи, когда я внедрялся в ситуацию класса, пытаюсь микшировать то, что мешает педагогу нормально взаимодействовать с детьми.

Ну, скажем, я видел, что учитель закликает на себе детей — пытается им показать, как много он для них значит, а родителей и остальных учителей в глазах учеников принижает. Если я понимал, что не могу убедить человека в том, что надо что-то изменить в стиле общения с детьми, то выстраивал свой контрплан — брал нагрузку в этом классе и изнутри пытался взорвать складывающийся стереотип отношений.

— Кто такой, по-вашему, хороший классный руководитель? Назовите пять главных качеств.

— Прежде всего, это добрый человек, а значит, умеющий любить. Не себя, а своих учеников. То есть не себя в искусстве, а искусство в себе.

Это человек, который, во-первых, умеет договариваться (то есть видеть не только себя, но и другого), а во-вторых, способен передать этот навык детям.

Это человек воспитанный. В том смысле, что его ценностный, нравственный ряд выстроен. Человек, принципиальный относительно того, что есть добро и что есть зло. У многих педагогов эта граница, к сожалению, размыта...

Дальше. Это человек, который не боится выглядеть дураком. И это, может быть, самое главное качество классного руководителя и педагога вообще. И, кстати, последние двадцать лет мы целенаправленно работаем над тем, чтобы учителя всё более утверждались в плодотворности этой позиции.

И последнее, пятое, качество. Если учитель не боится быть дураком, значит, он будет всегда занимать активную позицию, будет постоянно что-то искать. Это очень ценное качество для классного руководителя — в любой ситуации, в любом деле, в любых взаимоотношениях уметь найти повод для размышлений, для творчества, для оттачивания мастерства.

— А что, на ваш взгляд, мешает быть хорошим классным руководителем? Ведь бывает так, что учитель — замечательный предметник, а классный руководитель никакой...

— Такого быть не может. Если хороший предметник, то и хороший классный руководитель. Но под хорошим предметником я понимаю отнюдь не хорошего лектора. Лектор является теоретическим носителем какого-то знания. А учитель-предметник должен уметь вместе с учениками решить проблему понимания того,

что изложено в этом кусочке знаний. Учителя же, увы, очень часто ведут себя так, будто бы это они породили эти знания.

Я считаю, что человек несомневающийся, считающий себя истиной в последней инстанции, профнепригоден как педагог и уж тем более как классный руководитель. Такой якобы во имя благой цели начнет топтать людей рядом с собой. И все стройными рядами пойдут на День народного единства...

Компромиссы

— *А как вы поступите с предписанием поучаствовать в Дне народного единства?*

— Скажу своему заму по воспитательной работе, чтобы вписала в отчёт три-четыре каких-нибудь мероприятия.

— *Значит, всё-таки приходится идти на компромисс?*

— Конечно. Не идти на компромисс — значит, разбить голову, причём не самому себе, а кому-то другому. А зачем я буду разбивать чью-то голову ради бумажки? Это пустое, за которым ничего не стоит. Замечательная Н.С. из департамента скажет мне: «Александр Аронович, ну что вы делаете? Не я это придумала».

— *Стоп! Вы не хотите подвести Н.С., она ещё кого-то, и получается цепочка лжи. Компромисс малой кровью — это кредо для выживания?*

— Ну да. У незабвенного Юрия Александровича было любимое выражение: «Не надо немцев жалеть». Что такое «немцев не жалеть»? Когда я спросил его об этом, он сказал: «Ты что, не знаешь? Ты же историк! В конце Великой Отечественной Генеральный штаб подсчитал, сколько немецко-фашистских захватчиков было уничтожено во время войны. Подсчитали, получилось 40 миллионов солдат и офицеров. При этом вся гитлеровская армия — с первого дня войны до последнего вместе с убитыми — насчитывала около 9 миллионов человек. А мы уничтожили 40! Как такое могло быть? А вот как. Какой-нибудь командир роты писал очередное донесение в штаб командира батальона и вместо двух убитых фашистов писал сто. «Ну что там два — это как-то несерьёзно. Напишем десять. Кто проверит?... Да что там десять. Напишем-ка сто»... Все донесения стекались в Генштаб, и получилось 40 миллионов. Как-то один начальник полка спросил у начальника дивизии: ««А почему так много-то?» А тот и говорит: «Чего ты немцев жалеешь? Тебе что, жалко их, что ли?» Вот такая история».

— *Смотрите, а всё-таки это ловушка, в которую вы сами же и попались. Классный руководитель, он ведь точно так же, как и вы, может сказать: «А чего немцев-то жалеть? Напишу-ка я для завуча четыре мероприятия»...*

— Да, это система. Система формирует конформизм, и сейчас его в нас возрождают, реставрируют. Но ещё раз повторяю: всё зависит от того, какой кровью и чьей директору удаётся достичь компромисса. Либо директор сдерживает эту бюрократическую лавину и принимает огонь на себя. Либо он спускает её на учителей. Тогда и детей колбасит. И дети тоже начинают приписывать, подлизываться, бороться за рейтинги. Тогда это не воспитание — это уже антивоспитание будет.

Все эти рейтинги успешности — от лукавого. Быть престижным, быть успешным — да, подписываюсь. Но престижным и успешным в деле, а не в болтологии.

Искушение властью

— *Известный педагог, профессор одного из областных педуниверситетов как-то обмолвился: «Поверьте мне, либеральное направление не может иметь успех у учителей». Прокомментируйте, пожалуйста, эту фразу.*

— С этим можно согласиться по одной простой причине: педагог обладает властью над детьми. И в этом смысле в образовании идут многие властолюбивые люди. У них не получается реализовать свои амбиции на взрослых, они это делают на детях. В образовании объективно есть большое искушение для человека — это возможность манипулировать чужим сознанием. И здесь образование очень близко к политике.

Одни учителя сознательно не хотят расшатываться в этой своей позиции, другие — инстинктивно. И здесь очень многое зависит от климата, который есть в школе, и, в частности, от того, какие ценности исповедует руководитель. Если руководитель держиморда — всё, школа будет для детей концлагерем. Он и людей наберёт соответствующих.

А если руководитель демократ, если он добрый по своей сути и любящий детей (вот как Тубельский покойный), то тогда властолюбивых учителей у него в школе будет не так много.

На протяжении моего директорства в школу приходили разные люди, но оставались только люди с открытым хорошим сердцем, а остальные так или иначе уходили. Почему это происходило, как создавался этот дух школы, я не могу сказать точно. Видимо, он возник из-за манеры, ментальности общения тех людей, которые меня окружали с самого начала. А я, в свою очередь, напитался этим духом от тех, кто был здесь до меня. Например, от Лидии Васильевны Фейгельбаум, которая и сделала меня потом преемником...

— *Спасибо, Александр Аронович, за откровенный разговор. По нынешним временам это дорогого стоит.*

